

МОСКВА В ДАР ПЕТЕРБУРГУ. О ЦИКЛЕ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «СТИХИ О МОСКВЕ»

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка изучения личных и исторических предпосылок создания в 1916 году Мариной Ивановной Цветаевой цикла «Стихи о Москве». Тема родного города всегда интересовала М.И. Цветаеву и является одной из ключевых тем в творчестве поэта. Кроме того, в том числе и через стихи, посвященные Москве, в общем поэтическом наследии Цветаевой просматривается и раскрывается более глобальная тема Родины. В статье цикл Цветаевой «Стихи о Москве» рассматривается в первоначальном виде, таким, каким он был впервые опубликован в петроградском литературном журнале «Северные записки» в январе 1917 года, поскольку, на наш взгляд, именно такой подход к его изучению важен для понимания авторского замысла. Анализ биографически-бытового контекста создания цикла «Стихи о Москве», опирающийся на документальные подтверждения, сохранившиеся в письмах, позволит понять, какие исторические и культурные события повлияли на формирование поэтического образа города, а также выявить, какие московские географические и архитектурные символы преобразованы Цветаевой в символы поэтические, как они отражают её личные переживания и внутренний мир. Особое внимание уделяется символике московских сооружений религиозного культа, которые в поэзии Цветаевой становятся не только архитектурными памятниками, но и символами духовности и стойкости. Кроме того, в статье рассматриваются взаимосвязь личного восприятия Цветаевой Москвы с темами культурной идентичности и исторической устойчивости, а также использование определенных образов и мотивов для создания комплексного портрета города, который становится неотъемлемой частью её литературного наследия как московского поэта.

Ключевые слова: Цветаева; «Стихи о Москве»; стихотворение; поэзия; Москва; Кремль; тема; образ города.

Сведения об авторе: Верин Сергей Александрович, магистрант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета, ORCID 0009-0002-4590-3353.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8 (3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru.

MOSCOW AS A GIFT TO PETERSBURG: ON MARINA TSVETAeva'S CYCLE «POEMS ABOUT MOSCOW»

Abstract. This article attempts to study the personal and historical prerequisites for the creation of the cycle “Poems about Moscow” by Marina Ivanovna Tsvetaeva in 1916. The theme of her native city has always interested M.I. Tsvetaeva and is one of the key themes in the poet's work. In addition, along with through the poems dedicated to Moscow, in the general poetic heritage of Tsvetaeva, the more global theme of the Motherland is seen and revealed. The article considers Tsvetaeva's cycle “Poems about Moscow” in its original form, as it was first published in the Petrograd literary journal “Severnye Zapiski” in January 1917, because, in our opinion, this approach to its study is important for understanding the author's intention. The analysis of the biographical and everyday context of the creation of the cycle “Poems about Moscow”, based on documentary evidence preserved in letters, will allow us to understand what historical and cultural events influenced the formation of the poetic image of the city, as well as to identify which Moscow geographical and architectural symbols were transformed by Tsvetaeva into poetic symbols, how they reflect her personal experiences and inner world. Special attention is paid to the symbolism of Moscow religious buildings, which in Tsvetaeva's poetry become not only architectural monuments, but also symbols of spirituality and fortitude. In addition, the article examines the relationship between Tsvetaeva's personal perception of Moscow and the themes of cultural identity and historical sustainability, as well as the use of certain images and motifs to create a comprehensive portrait of the city, which becomes an integral part of her literary heritage as a Moscow poet.

Key words: Tsvetaeva; «Poems about Moscow»; poem; poetry; Moscow; Kremlin; theme; image of the city.

About the author: Verin Sergey Aleksandrovich, master's student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University, ORCID 0009-0002-4590-3353.

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; Tel. 8(3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru.

Москва, будучи одним из самых значимых и многогранных городов не только России, но и всего мира, всегда привлекала внимание художников, писателей и поэтов. Город с богатой историей, уникальной архитектурой и разнообразной культурой стал не только местом действия, но и важным символом в литературе. В частности, творчество Марины Ивановны Цветаевой, одной из самых знаковых фигур русской поэзии XX века, представляет собой особый интерес для изучения образа Москвы. В её стихах город предстает не просто как географическая точка, а как сложный и многослойный символ, в котором переплетаются личные переживания поэта и исторические реалии, культурные и православные традиции.

Цикл Цветаевой «Стихи о Москве» является ярким примером не только создания поэтического образа города, насыщенного культурными и историческими значениями, но и патриотической поэзии. Несмотря на то, что в нем нет места героизму и подвигу, он буквально пронизан любовью к Родине, не замыкаясь, хотя и концентрируясь, на Москве, дышит «русским духом», укрепленным историческими, культурными и религиозными отсылками, оставаясь при этом невероятно тонким и лирично-личным циклом, поскольку голос самой Цветаевой не заглушается колокольным звоном, а образ ее лирической героини не теряется на просторах «семихолмия» Москвы.

Парадоксально, но цикл Цветаевой «Стихи о Москве» обязан своему рождению Петрограду, в котором Марина Ивановна гостила вместе с Софьей Парнок зимой 1915–1916 годов. На встречу Нового года в столицу подруг пригласили издатели ежемесячного литературного журнала «Северные записки», в котором дважды в уходящем 1915 году публиковались подборки стихов Цветаевой, а в новом 1916 году они стали включаться почти в каждый номер.

Несмотря на предсвадебное путешествие в столицу в январе 1912 года, в своем письме Михаилу Кузмину в 1921 году она упоминает, что это была ее первая поездка в Петербург (так Цветаева любила называть Петроград):

«Это было в 1916 г., зимой, я в первый раз в жизни была в Петербурге. Я дружила тогда с семьей К<анегиссе>ров... они мне показывали Петербург. Но я близорука – и был такой мороз – и в Петербурге так много памятников – и сани так быстро летели – все слилось, только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой. Ах, нет: еще каминь. Везде, куда меня приводили, огромные мраморные каминь, – целые дубовые роуци сгорали! – и белые медведи на полу (белого медведя – к огню! – чудовищно!), и у всех молодых людей проборы – и томики Пушкина в руках... О, как там любят стихи! Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели» (Цит. по: Саакянц 1997: 59).

«Забыв» в письме Кузмину о своем первом везите, Цветаева искажает и время своего пребывания в столице. Фактически она более трех недель провела в Петрограде, который предстал перед ней городом поэзии, зародив естественное и азартное желание явить местным поэтам, часто воспевавшим в своих стихах родной и любимый город, себя как поэта московского. Увы, во время этой зимней поездки Марине Ивановне не удалось встретиться с Анной Ахматовой. Описывая в «Нездешнем вечере» один из поэтических вечеров в доме братьев Каннегисер, Цветаева говорит о своем желании явить поэтическую Москву отсутствующей Ахматовой:

«Читаю, – как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой. Мне мой успех нужен, как прямой провод к Ахматовой. И если я в данную минуту хочу явить собой Москву – лучше нельзя, то не для того, чтобы Петербург – победить, а для того, чтобы эту Москву – Петербургу – подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой – преклонить. Поклониться ей самой Поклонной Горой с самой непоклонной из голов на вершине» (Цветаева 1936).

Все в том же «Нездешнем вечере» Цветаева прямо говорит о том, что *«...последовавшими за моим петербургским приездом стихами о Москве я обязана Ахматовой, своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви, то подарить – что вечнее любви. Если бы я могла просто подарить ей – Кремль, я бы наверное этих стихов не написала»* (Цветаева 1936).

Не произошла и встреча Цветаевой с Блоком, который все же оказал влияние на цикл «Стихи о Москве». Дело в том, что в первоначальную версию цикла было включено стихотворение «У меня в Москве – купола горят...». Позднее Марина Ивановна «изъяла» его из московского цикла, и переместила в цикл, посвященный Александру Александровичу, который так и называется – «Стихи к Блоку». Однако менее «московским» от этого стихотворение не стало.

В противовес неудавшимся встречам с Ахматовой и Блоком, зимняя поездка в Петроград укрепила связь Цветаевой с Осипом Мандельштамом, который после отъезда Марины Ивановны навещал ее в Москве в феврале и марте 1916 года. Позднее даже вдова поэта отмечала:

«Цветаева, подарив свою дружбу и Москву, как-то расколдовала Мандельштама. Это был чудесный дар, потому что с одним Петербургом, без Москвы, нет вольного дыхания, нет настоящего чувства России...» (Цит. по: Каган 1992: 96).

Несмотря на то, что никаких посвящений Осипу Эмильевичу в цикле «Стихи о Москве» нет, исследователи отмечают «мандельштамовскую составляющую» как минимум в двух его стихотворениях, вдохновленных встречами и прогулками поэтов: «Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат» и «Мимо ночных башен...». Вчитываясь в стихи, можно заметить те же интонации, что и в приведенном выше фрагменте, посвященном Ахматовой – желание одарить близкого человека своей Москвой. В первом стихотворении лирическая героиня говорит прямо:

Из рук моих – нерукотворный град

Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

Во втором же скрытым символом одарения служит «золотой ларчик» Иверской часовни.

Подтверждением обращения в этих стихах к Мандельштаму может служить и фрагмент написанного 21 июля 1916 года письма Цветаевой Юркевичу:

«Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привел один человек – поэт, прелестное существо, я его очень любила! – проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: “Неужели Вы не понимаете, что небо – поднимите голову и посмотрите! – в тысячу раз больше меня, неужели Вы думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!”» (Цит. по: Каган 1992: 91).

В это время Марина Ивановна уже работает над циклом «Стихи о Москве», не догадываясь, что через 6 лет Мандельштам, которого она отчаянно желала одарить своим

городом, в статье «Литературная Москва» назовет ее стихи «исторически фальшивыми», «лженародными» и «лжемосковскими».

Символично и то, что московский цикл, на написание которого Цветаеву фактически сподвигла поездка в Петроград, впервые был опубликован в столичном журнале «Северные записки», в первом, январском номере за 1917 год. Однако журнальный цикл несколько отличался от того, каким он знаком современному читателю.

Во-первых, уже написанные к моменту публикации цикла «Над городом отвергнутым Петром...» и «Красною кистью...» не вошли в версию цикла, опубликованную в «Северных записках». При этом стихотворений все равно было девять, так как вместо них Цветаева включила в цикл «Стихи о Москве» стихотворения: «У меня в Москве – купола горят...» и «Канун Благовещенья».

Во-вторых, стихотворения располагались согласно хронологии их написания. Первые читатели узнали цикл «Стихи о Москве» таким:

1. «Канун Благовещенья» (24–25 марта 1916)
2. «Облака – вокруг...» (31 марта 1916)
3. «Из рук моих – нерукотворный град» (31 марта 1916)
4. «Мимо ночных башен...» (31 марта 1916)
5. «Настанет день, печальный, говорят...» (11 апреля 1916, первый день Пасхи)
6. «У меня в Москве – купола горят...» (7 мая 1916)
7. «Над синевою подмосковных роц» (Троицын день, 1916)
8. «Семь холмов – как семь колоколов...» (8 июля 1916)
9. «Москва! Какой огромный Странноприимный дом!» (8 июля 1916).

Лишь во втором издании сборника «Версты I» в 1922 году цикл «Стихи о Москве» приобрел окончательные, известные нам структуру и содержание. Как уже упоминалось выше, стихотворение «У меня в Москве – купола горят...» Цветаева перенесла в цикл «Стихи к Блоку», а «Канун Благовещенья», которым открывался цикл «Стихи о Москве», стало внецикловым, самостоятельным стихотворением.

Сохраняя и хронологию, и структуру, Марина Ивановна дополнила московский цикл стихотворениями «Над городом, отвергнутым Петром...» (написано 28 мая 1916 года) и «Красною кистью...» (написано 16 августа того же года).

Исследуя природу этой замены стихотворений, Т. Быстрова предположила, что она произошла из-за того, что первоначально Цветаева хотела противопоставить свою «московскость» «петербургости» встреченных (и, как мы выяснили, не встреченных) ею поэтов Петрограда, что и сподвигло Марину Ивановну на написание цикла «Стихов о Москве» практически сразу по возвращении в родной и любимый город. С той же целью для первой публикации московского цикла был выбран столичный литературный журнал «Северные записки». Стихотворения, включенные в эту первую, журнальную версию наиболее ярко передают образ родного города поэта. Быстрова отмечает, что «в этом смысле «У меня в Москве – купола горят» несомненно более программный текст, чем “Красною кистью”» (Быстрова 2002). И только после того, как первая публикация состоялась и

Цветаевой с ее помощью удалось показать Петрограду не только свою Москву, но и себя саму как московского поэта, Марина Ивановна позволила себе изменить содержание цикла, включив в него другие стихотворения, также посвященные Москве и написанные в тот же период работы над циклом, но несколько иной направленности. Обобщая, Быстрова делает вывод, что цикл Цветаевой «Стихи о Москве» прошел две стадии формирования – петербургскую и московскую. Во вторую версию цикла «Стихов о Москве» добавила чуть больше личного, заполнив большее городское пространство лирической героиней, сделав тем самым ее (и себя) еще более неотъемлемой частью Москвы.

Рассмотрим основные московские локации, которые вошли в первоначальную петербургскую версию цикла, и то, как Цветаева представила свой родной город столичным читателям, а через его образы заявила о себе как о московском поэте.

Открывало цикл, как уже упоминалось, стихотворение «Канун Благовещения», уже даже в названии которого обозначается важная символика и одна из подтем (если за основную принять тему Москвы) цикла – тема веры. Использование символики московских церквей и соборов, их архитектурных особенностей, с одной стороны, погружает читателей в атмосферу глубокой исторической и духовной связи с городом, формирует атмосферу Москвы, а с другой, раскрывает внутренний мир поэта, создавая множество ассоциаций и эмоциональных оттенков.

Первой московской локацией, куда Цветаева приглашает читателей петербургско-петроградской версии «Стихов о Москве», становится Благовещенский собор – православный храм, расположенный на Соборной площади Московского Кремля, первое упоминание которого связано с XIV веком, сохранившийся до наших дней. Освященный в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, он стал первый домовым храмом великих московских князей и царей.

В стихотворении, по своей ритмической структуре приближенном к духовным стихам и молитвам, заключены достаточно детализированные описания как самого храма, так и проводимой в нем литургии. Кроме того, в стихотворении нашла отражение тема материнства, с которой связан образ, казалось бы несопоставимый с общей религиозностью текста, но часто возникающий в поэзии Цветаевой:

*Чтоб не вышла как я – хищницей,
Чернокнижницей.*

Исследователи также обращают внимание на наличие в стихотворении «Канун Благовещения» и одного из любимых, часто встречающихся в поэзии Цветаевой, мотива бессонницы. Так, М. Бельская отмечает, что в стихотворении «расширение границ мотива бессонницы до масштабов целого неспящего мира» становится «новым витком развития метасюжета». А в строчке: «Черной бессонницей / Сияют лики святых», «образы святых показаны через приём оксюморона: от икон обычно исходит лучезарный свет, а здесь подчеркивается бессонница, да ещё и черная: это изнемождённость, страдание, мученичество во имя Бога» (Бельская 2013).

Начавшееся с посещения богослужения в одном из храмов Кремля, стихотворение «Канун Благовещенья» завершается легкой и беззаботной «прогулкой» по набережной Москвы-реки:

Бегу к Москва-реке

Смотреть, как лед идет.

Безусловно, образ самого Кремля, отраженного в «Стихах о Москве», – является не только основным для всего цикла, но и главной точкой духовного притяжения цветаевской лирической героини. Знакомство Цветаевой с Кремлем произошло в раннем детстве, когда ее вместе с сестрой водили гулять по территории и в Александровский сад. Позднее она сама часто прогуливалась там с дочерью, о чем, например писала П. Юркевичу в письме от 21 июля 1916 года:

«Я рада Москве, хожу с Алей гулять в Кремль, она чудный ходок и товарищ. Смотрим на соборы, на башни, на царей в галерее Александра II, на французские пушки...» (Цит. по: Каган 1992: 105).

Возвращаясь к истории написания цикла, отметим, что именно Кремль обозначался самой Цветаевой как символ своего поэтического дара Ахматовой, именно его она хотела бы подарить Анне Андреевне.

Начиная свою поэтическую прогулку от Благовещенского собора, Цветаева проводит читателей и по другим кремлевским строениям религиозного культа, среди которых важное значение имеет Иверская часовня, расположенная у Воскресенских ворот и ведущая на Красную площадь. О ней мы уже упоминали, говоря об одарении Мандельштама золотым ларчиком в стихотворении «Мимо ночных башен...». Она же, названная «звездной», встречается и в стихотворении «Из рук моих – нерукотворный град...»:

Часовню звездную – приют от зол –

Где вытертый – от поцелуев – пол;

До тех пор, пока во второй версии цикла «Стихов о Москве» не зажглась по велению самой Марины Ивановны красная кисть рябины, фактически в Иверской часовне и заканчивалась стихотворная прогулка по цветаевской Москве:

А вон за тою дверцей,

Куда народ валит, –

Там Иверское сердце

Червонное горит.

Как отмечает И.Б. Ничипоров, «именно Иверская часовня обретает в изображении Цветаевой теснейшую эмоциональную связь с драматичной душевной жизнью ее героини, а в стихотворении «Мимо ночных башен...» (1916) «горящая», «как золотой ларчик», она символизирует свет духовной истины в сгущающейся тьме предреволюционных лет» (Ничипоров 2009).

Образы церквей в цикле «Стихов о Москве» приближают его к традициям русской православной культуры. Сам город становится масштабным, единым символом святости.

Цветаева словно подчеркивает, что несмотря на то, что Москва уже не является столицей, она остается центром и сердцем русской земли.

Однако цикл «Стихов о Москве», хотя и фактически сосредоточен вокруг Кремля, но не ограничивается исключительно его локациями и пространством. В нем встречаются еще две точки притяжения двух противоположных, но важных для творчества Цветаевой мотивов – смерти и рождения. Удивительно, что оба мотива гармонично переплетены во втором стихотворении, которое впоследствии стало открывающим цикл «Стихов о Москве». Оно, начатое столь невесомо, с воздушной, благословенной легкостью:

*Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук!*

– уже во второй строфе пронизано мотивом смерти. При этом в тексте, кроме констатации неминуемой конечности жизни лирической героини, читается и неподвластная смерти любовь к Москве, которая будет передана ее первенцу, уже не в дар, как в некоторых других стихотворениях цикла, а в наследство:

*В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе,
Горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!*

Заканчивается же стихотворение упоминанием Ваганьковского кладбища, на котором к моменту написания уже покоились родители Цветаевой – Мария Александровна умерла в 1906, а Иван Владимирович в 1913 году. Так изящно Марина Ивановна словно замыкает круговорот жизни, поднимая еще одну важную для своего творчества тему рода и преемственности поколений.

Мотив рождения и отчего дома встречается и в стихотворении «Семь холмов – как семь колоколов...». Только связан он уже не с мотивом наследования, а с самой лирической героиней Цветаевой:

*В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церкви златоголовые.*

Очевидно, что речь здесь идет об одноэтажном деревянном доме с антресолями в Трехпрудном переулке, 8. В нем родились сестры, брат и сама Марина Ивановна. До наших дней дом, увы, не сохранился. После смерти главы семейства Цветаевых брат Андрей во время Первой мировой войны в 1914 году передал его под госпиталь, а позже продал на

дрова соседней типографии. В 1919 году остатки дома-пряника еще можно было увидеть, но в 1920 от него уже ничего не осталось. В 1926 году на его месте началось строительство 4-этажного кооператива «Творчество», который впоследствии увеличился до 6 этажей.

Цветаевская Москва 1916 года, подаренная не только коллегам-поэтам, но и всем читающим жителям Петрограда, а впоследствии, пусть и в несколько измененном, откорректированном виде, всем нам, переплетаясь с историческими событиями и личными переживаниями поэта, формирует уникальный образ города, который становится отражением внутреннего мира Марины Ивановны. Кремлевские (и не только) локации и пространства, в первую очередь религиозного плана, описанные Цветаевой, становятся не просто архитектурно-поэтическими памятниками, а символами любви к своему родному городу и культурной идентичности. Цветаева мастерски использует эти образы, чтобы передать глубину своих чувств и мыслей о городе, который она любила и который имел для неё множество значений. Город, в котором она выросла, стал неотъемлемой частью её культурной и личной идентичности.

В стихах цикла Москва становится местом, где переплетаются личные переживания и общественные реалии. Цветаева использует город как метафору для выражения своих чувств, что позволяет читателю глубже понять её внутренние конфликты и стремления. Историческая устойчивость образа Москвы в творчестве Цветаевой, запечатленного в движении от прошлого к настоящему, демонстрирует, как поэтесса осмысляет изменения, происходящие в её родной стране. Она не только фиксирует моменты времени, но и создает вечный образ города, который, несмотря на все испытания, остается символом силы и стойкости, ничуть не уступая в этом столичному Петрограду. Однако стихотворения «Цикла о Москве» – это не просто гимн любимому городу. В них Марина Ивановна вплетает и свою личную историю, создавая тем самым двухмасштабную мифологию города – общественную (в контексте истории, культуры, веры и географии) и индивидуальную.

Как писала сама Марина Ивановна спустя почти 20 лет после рождения цикла «Стихи о Москве» в январе 1937 года Ю.П. Иваску: «Да, я в 1916 г. первая так сказала Москву. (И пока что последняя, кажется.) И этим счастлива и горда, ибо это была Москва – последнего часа и раза. На прощанье. «Там Иверское сердце – Червонное, горит». И будет гореть – вечно. Эти стихи были – пророческие. Перечтите их и не забудьте даты.

Но писала это не «москвичка», а бессмертный дух, который дышит где хочет, рождаясь в Москве или Петербурге – дышит где хочет» (Цит. по: Каган 1992: 96).

ЛИТЕРАТУРА

Бельская М.Ю. Мотив бессонницы в книге стихов М.И. Цветаевой «Версты». URL: <https://clck.ru/3LiKUT> (16.04.2025).

Быстрова Т. «Стихи о Москве» Марины Цветаевой: к вопросу о формировании московского цикла. URL: <https://clck.ru/3LiKVb> (16.04.2025).

Каган Ю.М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. М.: Отечество, 1992.

Москва Марины Цветаевой: адреса, имена, судьбы / Масловский В.И. (сост.). 2-е изд. М.: Беслан, 2023.

Ничипоров И.Б. «Московский текст» в русской поэзии XX века: М. Цветаева и Б. Окуджава. URL: <https://clck.ru/3LiKSk> (16.04.2025).

Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Элисс Лак, 1997.

Цветаева М. Нездешний вечер. URL: <https://clck.ru/3LiKQn> (16.04.2025).

Цветаева М. Собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: Эксмо, 2017.

© Верин С.А., 2025